

Рональд Д. Герсте — врач, историк, научный журналист

ВЕЛИКИЕ БОЛЕЗНИ И БОЛЕЗНИ ВЕЛИКИХ

КАК любовь почти
уничтожила
французскую
армию?

ЗАЧЕМ Иоганну
Себастьяну Баху
проткнули глаз?

ЗАРАЖЕНИЕ какой
болезнью считалось
большой удачей?

СКОЛЬКО
судеб изменили
случай инсульта
в 1910–1920 годах?

ПОЧЕМУ туберкулез
назывался эстетичным
заболеванием?

КАК ЗАБОЛЕВАНИЯ ВЛИЯЛИ
НА ХОД ИСТОРИИ

Respectus. Путешествие к современной медицине

Рональд Дитмар Герсте

**Великие болезни и болезни
великих. Как заболевания
влияли на ход истории**

«ЭКСМО»

2019

УДК 61(091)

ББК 5г

Герсте Р.

Великие болезни и болезни великих. Как заболевания влияли на ход истории / Р. Герсте — «Эксмо», 2019 — (Respectus. Путешествие к современной медицине)

ISBN 978-5-04-169452-4

Болезни, эпидемии и деятельность врачей, пытавшихся с ними бороться, — неотъемлемая часть всемирной истории. Они влияли на поступки ключевых политических деятелей, меняли быт и привычки людей, находили свое отражение в великих произведениях искусства. Как внезапная смерть Александра Македонского в Вавилоне изменила ход истории? Какое отношение имеет заболевание президента Рузвельта к конституции США? Какая «французская болезнь» более 400 лет одолевала весь мир? Автор этой книги, немецкий врач и историк, проводит увлекательную экскурсию по переломным событиям истории западного мира, связанным со здоровьем людей. Вы узнаете, в каких случаях болезнь, поразив ключевую историческую фигуру, решала судьбы государств, насколько эпидемии изменили общество и какие ошибки совершали врачи прошлого, не представляя их последствий. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 61(091)

ББК 5г

ISBN 978-5-04-169452-4

© Герсте Р., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	6
Германия, которой никогда не было. Фридрих III	8
Англия и Испания объединились – почти... ложная беременность Марии Тюдор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рональд Дитмар Герсте
Великие болезни и болезни великих:
как заболевания влияли на ход истории

Посвящается Жаклин, Честеру, Амелии и Виктории

© Ю.С. Кныш, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Не заниматься спортом, практически каждый день пить виски и шампанское, есть все что угодно и ни в чем себе не отказывать, курить сигары – жить полной жизнью и мирно умереть в преклонном возрасте. Это мечта всех тех, кто не слишком серьезно относится к рекомендациям вести здоровый образ жизни и любит поднимать себе настроение маленькими радостями. Герой таких людей – Уинстон Черчилль, который, несмотря на вредные привычки, дожил до 91 года: одна из величайших личностей в европейской истории, известная современникам и следующим поколениям в первую очередь как решительный противник Гитлера.

Не все исторические персонажи могли похвастаться таким крепким, как у Черчилля, здоровьем, которое не подкосил даже образ жизни, способный довести до отчаяния любого врача и диетолога. Нередко ключевые фигуры в истории в решающие моменты сталкивались с болезнями. И порой это имело роковые последствия.

В решающей битве при Ватерлоо Наполеон был не на пике душевных и физических сил.

Нет сомнений в том, что болезни становятся важным историческим фактором. Например, эпидемия бубонной чумы, известной как «черная смерть», распространившаяся примерно в середине XIV века и унесшая жизни около трети европейского населения, была подробно изучена с точки зрения ее социальных и экономических последствий. Но в дополнение к этому макроэффекту существуют «последствия» в виде недомоганий, болезней и преждевременных смертей на микроуровне – влияние, оказываемое на крупных политических деятелей. Тот факт, что так называемые великие личности решительным образом влияют на ход событий, в некоторой степени отрицается отдельными университетскими историками. Большинству людей трудно представить, как развивалась бы Европа в XX веке без Гитлера. Или закончилась бы холодная война столь же мирно, если бы Михаил Горбачев не стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в 1985 году.

Там, где большая власть сосредоточена в руках немногих, значительное воздействие на ход истории могут оказывать факторы, кажущиеся банальными, включая болезни сильных мира сего. Конечно, это особенно верно в отношении императоров и королей прошлого, но современные демократии также склонны к таким сдвигам, когда много власти оказывается в руках человека, который может внезапно заболеть. Американская демократия, пожалуй, лучший пример. В этой книге мы познакомимся с несколькими президентами США, чьи болезни стали судьбоносными.

Патобиография, объединение медицины и биографической историографии, почти автоматически приводит к умозрительному вопросу: «Что случилось бы, если...?» Но предположения от обратного неизбежны, когда мы изучаем историю. Вряд ли кто-либо, кому известно про покушение на Гитлера в июле 1944 года, не поддастся искушению предположить, как бы сложилась история, если бы граф Штауффенберг и его сообщники добились успеха. Или как бы выглядел наш мир, если бы в конце мая 1940 года немецкие танковые войска не остановились неподалеку от Дюнкерка, а окружили бы британский экспедиционный корпус и заставили Великобританию под руководством Уинстона Черчилля, только что вступившего в должность премьер-министра, заключить мир. Смертельный для Европы мир под свастикой.

В отдельных случаях заболевания становились решающими факторами для хода истории. В этой книге мы будем сопровождать некоторых известных пациентов в их тяготах. И конечно, возникнет вопрос, какой путь выбрала бы Клио, муза истории, если бы предпочла другой вариант развития событий. Это особенно верно в отношении пациентов из первых двух глав книги – людей, которые правили двумя важными для судьбы Европы странами в течение

очень короткого периода. А также стоит понаблюдать за теми заболеваниями, которые в одинаковой степени угрожали как власть имущим, так и их подданным и определяли целые эпохи. Речь идет о таких болезнях, как чума, холера, сифилис.

Таким образом, есть два уровня, которые мы рассмотрим на следующих страницах: великие болезни и болезни великих людей, принимавших решения. Эта концепция похожа на ту, что я ранее использовал для изучения другого исторического фактора – погоды и климата. Я очень благодарен читателям той работы¹ за то, что помогли ей выйти в нескольких изданиях. У этой же книги долгая история: влияние болезней на ход истории очаровывало меня еще со времен юности. После двух семестров изучения медицины я также начал изучать историю. Я окончил обе специализации, хотя и не в установленный минимальный срок обучения, но – как можно было бы сказать в Великобритании с типичной для этой страны сдержанностью – *in due time*². По обоим предметам мне посчастливилось заниматься с университетскими преподавателями, которые научили меня находить общее в этих увлекательных науках, то, что связывает Клио и Асклепия. Я особенно благодарен за это Клаусу Мюллеру и Дитмару Киенасту, преподавателям истории, Хансу Шадевальдту и Вольраду Денеке, преподавателям истории медицины, а также Хансу Пау, Йоханнесу Грюнцигу и Гвидо Клюксену, преподавателям выбранной мною в конечном итоге медицинской дисциплины, офтальмологии. Их энтузиазм в продвижении данного предмета в различных регионах мира оказался заразительным. В течение многих лет мне посчастливилось писать для издателя Рейнхарда Кадена, в медицинских журналах я мог публиковать статьи о некоторых известных пациентах, упомянутых ниже, и о большинстве заболеваний, определявших целые эпохи. Большая честь работать с таким эрудированным и отзывчивым редактором, как Кристоф Зельцер, и вдохновляться его идеями.

В этой книге рассмотрены великие болезни – унесшие большое количество жизней или значительно повлиявшие на общественный уклад, – а также болезни великих: правителей и политиков, чьи решения затрагивали жизни простых людей.

А когда речь идет о благодарности и уважении, конечно, следует упомянуть тех четырех человек, которые мне ближе всего, которые знакомы с причудами писателя-медика и болтливого историка и готовы их терпеть с удивительным хладнокровием: Жаклин, Честер, Амелия и Виктория. Им посвящается эта книга.

Надеюсь, эта книга станет для читателей и читательниц не простым развлечением, но и вдохновением. А там, где повествование становится слишком умозрительным, меня можно простить за мою склонность рассуждать на тему «а что, если...». История – это то, что произошло на самом деле, порой к лучшему, а порой, возможно, и нет. Внимательный читатель наверняка найдет ошибки, небольшое унижение для каждого автора. Президент США Теодор Рузвельт (он занимал этот пост с 1901 по 1909 год) утешает меня своей мудростью: «The only man who makes no mistakes is the man who never does anything»³.

¹ Речь идет о книге автора *Wie das Wetter Geschichte macht: Katastrophen und Klimawandel von der Antike bis heute*, вышедшей в 2015 году; на русский язык не переводилась. – *Прим. ред.*

² В свое время (англ.). – *Прим. пер.*

³ Единственный человек, который не совершает ошибок, – это тот, кто ничего не делает (англ.). – *Прим. пер.*

Германия, которой никогда не было. Фридрих III

«Господа, хрипота мешает мне вам что-нибудь спеть!» Члены президиума рейхстага, присутствовавшие на приеме в Берлинском дворце, отреагировали на это шутливое заявление осторожными улыбками, возможно, дополненными такими репликами, как «Конечно, Ваше Императорское Высочество, конечно...» Никто из присутствовавших, в особенности человек, произнесший эти приветственные слова с усталой улыбкой, не подозревал, что они ознаменовали начало человеческой трагедии и также политической драмы. Это события **8 марта 1887 года**, и выступавшим был наследник престола кронпринц **Фридрих Вильгельм Николаус Карл Прусский**, сын Вильгельма I – короля Пруссии и первого германского кайзера.

Германская империя была провозглашена всего 16 годами ранее в Зеркальной галерее Версаля, в разгар победоносной войны, которую Пруссия и другие германские государства вели против Франции. На политической арене Европы это был новичок, на которого другие великие державы косились с подозрением (а в случае с Францией – с желанием отомстить). В одно мгновение в центре континента вырос гигант: Германская империя демонстрировала колоссальный демографический и экономический рост и готовилась стать ведущей индустриальной державой в Европе. Прусская армия после трех коротких и победоносных войн – в 1864 году против Дании, в 1866 году против Австрии, в 1870–1871 годах против Франции – считалась не имеющей себе равных. Политическое устройство новой империи не могло внушать доверия двум великим демократическим державам (хотя слово «демократический» в XIX веке не имело того же значения, что в наше время; например, даже в Великобритании, которую многие считают прогрессивной, у женщин не было права голоса) – Французской республике и конституционно-монархической Англии. Во главе государства в Германии стояла прусская династия Гогенцоллернов; главной фигурой немецкой политики был консерватор, юнкер⁴ Отто фон Бисмарк, который в роли рейхсканцлера в 1880-х годах вел энергичную борьбу с «врагами Рейха». Ими в первую очередь, по его мнению, были социал-демократы и католики.

Для прогрессивных сил империи и многих ее политически активных граждан, заинтересованных в расширении основных демократических прав, человек, чья хрипота в тот весенний день была быстро забыта, был лучом надежды. Для них, а с тех пор и для многих, если не для всех историков и биографов, Фридрих Вильгельм был «либеральной надеждой Германии»⁵. В этих кругах считалось само собой разумеющимся, что после окончания эпохи Бисмарка Фридрих Вильгельм возьмет бразды правления в свои руки и задаст новый курс, отказавшись от ограничений и авторитаризма. Едва ли какой-либо другой документ столь же явно передает ожидания оппозиционных кругов, как картина Антона фон Вернера «Кронпринц Фридрих III на придворном балу 1878 года», написанная по памяти спустя годы, где сам Фридрих и ведущие либеральные политики – люди, которым, как тогда казалось, принадлежало будущее, – образуют группу, стоящую в стороне от шума и суеты.

В отличие от большинства соотечественников и даже членов семьи, Фридрих свободно говорил по-английски.

Кронпринц был известен как сторонник британской системы жесткого парламентаризма с системой сдержек и противовесов, а также с монархом, царствующим, но не вмешивающимся в дела партий. Симпатия прусско-немецкого кронпринца к государственному устройству Бри-

⁴ Так в Пруссии называли мелкопоместных дворян, потомков рыцарей-завоевателей, основавших германские поселения к востоку от Вислы, где ранее обитали славянские племена. – *Прим. пер.*

⁵ Это также подзаголовок биографии Франца Херре (Franz Herre): *Kaiser Friedrich III (Kайзер Фридрих III)*, опубликованной в 1987 году Deutsche Verlagsanstalt (DVA) в Штутгарте.

танской империи возникла не только в связи с его знакомством с британскими устоями в ходе многочисленных визитов в эту страну, но и по личной причине. Его жена Виктория приехала из Англии и была дочерью английской королевы с тем же именем, в честь которой впоследствии назвали целую эпоху – Викторианскую. Фридрих Вильгельм познакомился с будущей женой во время своего визита в Англию (Виктории было восемь лет) и женился на ней, когда ей было 17. В отличие от других дочерей европейской знати, принцесса Виктория не была аполитична. Ее отец, принц Альберт Саксен-Кобург-Готский, позаботился о том, чтобы его первенцы получили первоклассное воспитание, и в долгих разговорах разъяснял ей достоинства своей второй родины – Великобритании. Незадолго до свадьбы Альберт убеждал свою дочь и будущего зятя, что политическое будущее Германии (которая еще не была объединена под руководством Пруссии) состоит исключительно в конституционной монархии по британской модели и в признании и соблюдении основных демократических прав.

После переезда в Берлин Виктория, вероятно, скучала по своей любимой родине больше, чем когда-либо: при дворе реакционных политиков, таких как Бисмарк, который оставался ее заклятым врагом на протяжении всей жизни, ее ждал холодный, даже враждебный прием. Для влиятельных кругов она навсегда осталась «иностранкой», «англичанкой» – даже для своего старшего сына, будущего кайзера Вильгельма II, которому было суждено привести Германскую империю к гибели. Виктория, которую в семейном кругу называли Вики, в Берлине имела нерушимую опору: своего мужа. Фридрих Вильгельм был настолько предан своей жене, что его мнимая покорность «женушке», как он звал Вики, стала поводом для глупых издевательств при дворе. С другой стороны, для многих парламентариев, таких как представитель либералов доктор Рудольф Вирхов, эта привязанность к английской патриотке была основанием для надежды. Примечательным аспектом надвигающейся трагедии стало то, что Вирхов, одна из величайших личностей золотой эры медицинского прогресса, предстал особенно жалкой фигурой в драме о Фридрихе Вильгельме.

Однако охрипший человек, на которого возлагались ожидания столь многих людей, уже не был тем героем трех войн. Высокий, с густой белокурой бородой и голубыми глазами, для многих своих соотечественников он олицетворял идеал мужественного правителя той эпохи, и его сравнивали с Зигфридом и другими немецкими мифологическими персонажами. Но все еще густая борода была посеребрена сединой, а на лице кронпринца члены президиума рейхстага могли заметить некоторую усталость, даже фрустрацию. Потому что существование Фридриха Вильгельма, казалось, состояло исключительно из ожидания. Той весной кронпринцу исполнилось 56 лет, и он получил напоминание о долголетию, которое могло стать препятствием для перемен в монархии: его теща Виктория в скором времени собиралась отмечать золотой юбилей своего восхождения на престол, и – что гораздо хуже для Фридриха Вильгельма – его отец, кайзер Вильгельм I, через несколько дней должен был отпраздновать свое 90-летие. Старый кайзер, похоже, решил опровергнуть все законы биологии.

Отец Фридриха Вильгельма к 90 годам пережил пять покушений на свою жизнь.

Внешне крепкое здоровье отца вскоре начало казаться Фридриху Вильгельму горькой иронией. Потому что собственное здоровье вот уже несколько месяцев его подводило. Годом ранее, в 1886 году, он перенес корь. После этого некоторым придворным начало казаться, что он утратил прежнюю силу. В **январе 1887 года** он начал периодически страдать от хрипоты. Кронпринц и его окружение проконсультировались с профессором Карлом Герхардтом из клиники Шарите. Глава медицинской клиники, скорее терапевт, нежели специалист по заболеваниям горла, вероятно, заподозрил что-то серьезное: «Должно быть, недуг начался с симптомов простуды и первое время напоминал катаральную охриплость. Однако в течение следующих нескольких месяцев кашель и другие катаральные проявления не наблюдались; только сухая

охриплость, причем различные лекарства и ингаляции, которые эффективно помогали против катарального воспаления, оказались совершенно бесполезными»⁶. Кронпринц был заядлым курильщиком трубок и сигар – канцерогенное действие ядов, содержащихся в табачных изделиях, открыли только в XX веке.

6 марта, за два дня до того, как профессора Герхардта приняли в президиум рейхстага, он впервые провел Фридриху Вильгельму ларингоскопию. Этот метод в то время был еще новаторским. Герхардт описал полученные данные следующими словами: «На краю левой голосовой связки между голосовым отростком и серединой голосовой связки, ближе к первому, замечен бледный несколько неровный выступ, внешне напоминающий язычок или лоскут. Длина его составляет около 4 мм, высота – 2 мм. Был поставлен диагноз: утолщение левой голосовой связки»⁷. В течение следующих нескольких недель врачи предприняли несколько попыток удалить предполагаемый полип с помощью проволочной петли, а затем с помощью ее аналога, который можно было раскалить. Попытки лечения стали тяжелым испытанием для пациента, несмотря на то что в то время уже существовали первые виды местной анестезии кокаином – этот метод был открыт лишь тремя годами ранее офтальмологом Карлом Коллером из Вены. В клиническом отчете Герхардта и его коллег не только отражено разочарование по поводу упрямой болезни, но и прослеживается надежда: «Вечером 14-го [марта 1887 года] впервые была использована раскаленная платиновая проволока. 16-го числа опухоль была прижжена на всем своем протяжении, особенно посередине. На этот раз процедура получилась немного болезненной. С 18-го по 26-е число лечение было приостановлено из-за празднования дня рождения Его Величества кайзера Вильгельма. Теперь, 26, 27, 29 марта и вплоть до 7 апреля, каждый день применялась раскаленная проволока для разрушения нового образования, все, что выступало, сжигалось, а 7-го числа край голосовой связки был сглажен плоской горелкой»⁸.

После такого изнурительного лечения Фридрих Вильгельм с женой отправились на излюбленный курорт Гогенцоллернов, Бад-Эмс⁹, где кронпринцу предположительно делали противовоспалительные ингаляции. Когда он вернулся в столицу в середине мая, выяснилось, что об исцелении не могло быть и речи: опухоль не только снова выросла, но и покраснела и не выглядела доброкачественной. 18 мая на консилиуме врачей с участием профессора Эрнста фон Бергманна, одного из ведущих немецких хирургов того времени, обсуждалась возможная природа заболевания. Воспалительный генез, вызванный, например, туберкулезом или сифилисом, можно было исключить на основании симптомов (у пациента не было ни лихорадки, ни кашля, ни увеличения лимфатических узлов). Впервые было произнесено слово «рак».

Одним из средств, обсуждаемых с кронпринцем, была чрезвычайно радикальная операция – рассечение гортани и удаление опухоли. Шансы на успех оценивались как относительно высокие, но нельзя было утверждать наверняка, что после такого вмешательства будущий немецкий кайзер сохранит голос. Не исключалось и полное удаление гортани – опасное для жизни вмешательство, которое заканчивалось успешно лишь в редких случаях. В качестве меры предосторожности Бергманн начал практиковать операции на трупах. Было решено пригласить ведущего специалиста в развивающейся области ларингологии, науке о заболеваниях гортани. Это решение нашло восторженную поддержку Виктории: ученым светилом был соотечественник наследной принцессы – английский врач Морелл Маккензи. Англичанин, написав-

⁶ Доклад доктора Э. Герхарда, профессора Королевского университета и тайного медицинского советника в Берлине (1888 год) В: A. Bardeleben (Hrsg): *Die Krankheit Kaiser Friedrich des Dritten dargestellt nach amtlichen Quellen und den im Königlichen Hausministerium niedergelegten Berichten der Ärzte*. Kaiserl. Reichsdruckerei, Berlin, S1–17. Цитируется по: M. Teschner, *Laryngologie im ausgehenden 19. Jahrhundert. Das Beispiel der Behandlung Friedrichs III.* HNO 2012; 60:985–992: 985.

⁷ Teschner: 985.

⁸ Там же: 986.

⁹ Это место сыграло определенную роль в ходе войны против Франции летом 1870 года: «Эмская депеша», сфальсифицированная Бисмарком, была главной причиной, по которой режим Луи-Наполеона объявил войну Пруссии. – *Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.*

ший хорошо известное в Германии пособие по болезням гортани, среди британских врачей пользовался довольно спорной репутацией: некоторые из его коллег считали его повышенный интерес к финансовым аспектам медицинской работы, а также немалое самодовольство оскорбительными.

20 мая Маккензи провел первичное обследование и решил, что обнаружил признаки доброкачественного изменения. Это положило начало конфронтации с немецкими врачами и в итоге привело к взаимно враждебной блокаде. Немецкие врачи были убеждены в злокачественности образования; Маккензи в своих преимущественно пророческих высказываниях неизменно указывал на доброкачественность. Интересно, какой стороне больше доверяла наследная принцесса и, следовательно, пациент, который всегда прислушивался к своей жене? Маккензи воплощал надежду; фон Бергманн, Герхард и другие немецкие врачи, напротив, представляли перед Вики вестниками мрачного будущего: немного и больного, а возможно, даже мертвого Фридриха Вильгельма.

Фактически методология клинической процедуры Морелла Маккензи соответствовала сегодняшним принципам диагностики, как недавно заметил австрийский патолог профессор Роланд Седиви: «Маккензи сильно опережал свое время и уже тогда представлял современную точку зрения на диагностику опухолей, потому что <...> злокачественная природа должна быть подтверждена микроскопическим исследованием...». По его мнению, Маккензи настоял на выяснении характера изменения, и **21 мая 1887 года** с помощью гортанных щипцов (*Forceps laryngis*) провели биопсию, в результате которой было взято несколько кусочков ткани. Эти образцы были отправлены Рудольфу Вирхову (1821–1902) в Берлин¹⁰.

Анализом тканей из горла Фридриха занимался немецкий ученый Рудольф Вирхов, сегодня известный как один из основоположников клеточной теории.

Диагностика Вирхова и его действия в ближайшие месяцы – не самая успешная глава в биографии этого великого ученого. Трижды образцы новообразования отправляли Вирхову, трижды ему не удавалось обнаружить никаких признаков злокачественности. Даже четвертый кусочек ткани, полученный в результате отхаркивания тяжелобольного Фридриха Вильгельма, жизнь которого уже близилась к концу, под микроскопом не показал ему никаких признаков рака. В своих диагнозах Вирхов сосредоточился на бородавчатых изменениях. Было высказано предположение, что политические взгляды Вирхова – он был одним из самых ярких критиков Бисмарка, даже отдаленно не обладая его риторическими навыками, сообразительностью и харизмой, – повлияли на его мнение, поскольку он, как и Виктория, не хотел замечать, какая судьба грозила оплоту надежды либеральных сил. Однако при проведении исследований ткани часто случается, что образец – биопсия – не содержит злокачественных клеток, даже если он был взят из пораженного раком органа.

Роланд Седиви с позиции сегодняшнего эксперта защищает отца клеточной патологии: «Однако Вирхов очень своевременно и ответственно указал на потенциальные недостатки. Мы, современные патологи, также прекрасно понимаем, что на основании образцов, не репрезентативных для опухоли, можно сделать неправильный вывод. Вирхов пишет: “Оправдано ли такое утверждение в отношении всей болезни, невозможно однозначно установить по извлеченным кусочкам ткани”»¹¹. В июне 1887 года Фридрих Вильгельм отправился в Англию и принял участие в грандиозном параде в честь своей тещи королевы Виктории, вступившей на престол полвека назад в возрасте 18 лет. Некоторые присутствовавшие на параде женщины, увидев немецкого кронпринца верхом, вспомнили рыцаря Лоэнгрина, но один медик из толпы выска-

¹⁰ Roland Sedivy: Die Krankheit Kaiser Friedrichs III. und Virchows Rolle. *Wiener Medizinische Wochenschrift* 2015; 165:140–151: 143.

¹¹ Sedivy: 145.

зался довольно резко: «Лицо наследного принца выглядело бледным, почти желтовато-белым. Неподвижный, сидя на лошади, он больше походил на белую статую, чем на живого человека. Его ввалившиеся глаза вызывали у меня скорее дурное предчувствие болезненного прощания, нежели горделивое чувство восхищения – оно противоречило его облику»¹². В те дни Маккензи провел еще две операции с помощью проволоочной петли, и Фридрих Вильгельм был так доволен уходом, что предложил своей свекрови пожаловать ему высокий титул – его душевный подъем был также связан с тем, что Маккензи, по всей вероятности, вопреки своему здравому смыслу, описал недуг пациента как излеченный. Так что пионером ларингологии стал сэр Морелл Маккензи, что едва ли способствовало его популярности среди коллег в Лондоне.

Кронпринц и его жена отправились в многомесячную реабилитационную поездку с остановками в Тироле, Венеции и, наконец, в Сан-Ремо, но безуспешно. В ноябре обнаружилось, что опухоль, которую прежде неоднократно удаляли, снова выросла, стала больше и теперь при ларингоскопии выглядела ужаснее, чем когда-либо. Вдруг Маккензи тоже изменил свой диагноз: «Now it looks like a cancer»^{13 14}. Врачи не были полностью откровенны с пациентом. 11 ноября Фридрих Вильгельм написал: «Главный доктор фон Шреттер во главе <...> в присутствии женоушки поделился своим мнением <...> что случай серьезный <...> Я спросил, как ли это, на что он ответил: по крайней мере, что-то на него похожее...»¹⁵.

Теперь врачам стало ясно, что только опасная полная операция могла спасти пациента, но Фридрих Вильгельм от нее отказался: «... уже через несколько минут к нам пришел письменный ответ от Его Императорского Высочества, в котором он выражал несогласие на полную операцию и просил произвести только надрез трахеи»¹⁶. Надрез трахеи, трахеотомия, был неизбежен, потому что опухоль выросла до такой степени, что пациенту стало трудно дышать. Это вмешательство произошло 9 февраля 1888 года, после того как «...дыхание стало настолько шумным, что на противоположных концах стола можно было услышать чуть ли не каждый вздох кронпринца»¹⁷.

Таким образом, наследный принц избежал смерти от удушья, но больше никогда не смог подать голос; отныне Фридрих Вильгельм мог общаться со своим окружением только с помощью записок. Операция прошла у врачей довольно легко и могла стать показателем переворота, произошедшего в медицине за последние десятилетия XIX века. Незадолго до того были достигнуты грандиозные успехи: применение общей анестезии с 1846 года – возможно, величайший момент человечества – и, наконец, местной анестезии; обнаружение Робертом Кохом и Луи Пастером под микроскопом возбудителей. Несмотря на упорное сопротивление, в больницах ужесточили правила соблюдения гигиены и применения антисептиков, чего удалось добиться в первую очередь благодаря шотландскому хирургу Джозефу Листеру. Люди в Германии и Европе с беспокойством читали в газетах сообщения о здоровье следующего немецкого кайзера и, следовательно, потенциально одного из самых могущественных людей в Европе. Над их повседневной жизнью, несмотря на прогресс, висел дамоклов меч в виде серьезной и внезапной угрозы неизлечимых заболеваний. И эта угроза сформировала сознание людей в XIX веке, в котором технический прогресс сыграл столь же важную роль, как чума, оспа и сифилис в более ранние эпохи.

Опухоль в гортани Фридриха Вильгельма разрослась настолько, что ему было трудно дышать.

¹² Herre: 249.

¹³ Теперь это похоже на рак (англ.). – Прим. пер.

¹⁴ Teschner: 989.

¹⁵ Sedivy: 146.

¹⁶ Teschner: 989.

¹⁷ Там же.

В 1888 году, который вошел в историю Германии как год трех императоров, в Любеке жил 13-летний мальчик по имени Томас Манн. Ему было суждено увековечить две крупнейшие болезни XIX века в великолепных литературных памятниках: туберкулез в «Волшебной горе» и холеру в «Смерти в Венеции». С обеими инфекциями мы еще встретимся в ходе нашего изучения влияния болезней на историю – тех болезней, от которых пострадала большая часть населения, и тех, которые отбирали бразды правления у сильных мира сего.

Затем в Сан-Ремо пришли новости, которых Фридрих Вильгельм ждал долго, слишком долго, а теперь они пришли слишком поздно: **9 марта 1888 года** его престарелого отца наконец не стало. Больной вззошел на трон под именем **Фридриха III**. Слегка подавленное эмоциональное состояние немого кайзера уловил Франц Герре: «Отмеченный смертью, он знал, что его дни сочтены. Но он был благодарен за то, что на его долю выпало хоть немного власти и славы»¹⁸.

Его поезд особого назначения прокладывал свой путь в Берлин сквозь снежную бурю. Канцлер Бисмарк принял Фридриха Вильгельма вежливо и без явного сочувствия; мысли государственного деятеля о власти и политике, должно быть, переполняли противоречивые сценарии. Что было лучше – или менее катастрофично – для него, для его политики и для Германии: вероятно, короткое правление Фридриха III или гораздо более долгое – эксцентричного нового кронпринца Вильгельма, которому было всего 29 лет и на которого в придворных кругах быстро начали смотреть как на восходящее солнце? Фридрих III и императрица Виктория – таков был теперь ее титул – переехали во дворец Шарлоттенбург. Когда позволяла погода и состояние кайзера, они каждый день совершали короткие поездки в экипаже, на что жители Берлина смотрели со смесью сочувствия, любопытства и, прежде всего, жалости.

Борода монарха скрывала серебряную канюлю трахеотомии от посторонних глаз. Однако лечащие врачи видели страшные проявления болезни и очищали канюлю от дурно пахнущих выделений. В отчаянии от того, что чуть меньше года назад он сделал мрачный прогноз, но потерпел неудачу из-за стены отрицания реальности, которую Маккензи и его покровительница Виктория воздвигли вокруг пациента, Эрнст фон Бергманн незадолго до восхождения своего пациента на престол воскликнул: «Теперь каждый сможет увидеть, что изо рта кронпринца течет раковый гной!»

Фридрих III умер **15 июня 1888 года**. Вскрытие, проведенное под руководством Вирхова, слишком явно показало то, чего заслуженный ученый не видел или не желал увидеть под своим микроскопом. Рак полностью разрушил гортань, части трахеи и легких; как было написано в отчете о вскрытии, они были воспалены, в них началось образование абсцесса. Маккензи, получивший за свою врачебную деятельность астрономическую сумму – почти четверть миллиона золотых марок, в том же году опубликовал книгу о болезни титулованного пациента, которого он называл Фридрихом Благородным. Он пережил кайзера всего на четыре года и умер от сердечного приступа в 1892 году в возрасте 54 лет.

Правление Фридриха III длилось ровно 99 дней.

Фридрих III унес с собой в могилу и видение совершенно другой Германии. Можно только догадываться, оправдал бы покойный надежды либералов или оказался бы в ловушке властных структур лишь ограниченно демократического, ориентированного на власть государства. Изучив дневники наследного принца, историк Фолькер Ульрих, прекрасный знаток эпохи (и автор выдающейся биографии Гитлера), усомнился, что Фридрих III имел бы возможность – и желание – осуществить действительно радикальные изменения: «Симпатии кронпринца к либеральным идеям его жены не заходили настолько далеко, чтобы подтолкнуть его, например к системным реформам в направлении парламентаризма. Хотя он поддерживал контакт

¹⁸ Герре: 262.

с либеральными политиками, Фридрих III оставался тесно связан с милитаристской средой прусского королевского двора»¹⁹.

И все же мы не знаем, как могла бы выглядеть эта гипотетическая Германия. Немецкая нация жила бы под властью Фридриха III, который правил бы – при условии нормального здоровья и с учетом генов его отца, которые предрасполагают к долголетию – с 1888-го до, быть может, 1910-х годов и, если бы дожил до возраста своего отца, даже до 1920 года. Учитывая влияние его жены, дальнейшее канцлерство Бисмарка в этом сценарии маловероятно. Однако мы знаем, как выглядела реальная Германия с 1888 по 1918 год при правлении его сына Вильгельма II. Лидирующая в промышленности и науке, но возглавляемая непостоянным, часто иррационально действующим кайзером и чередой слабых и некомпетентных канцлеров, она стала очагом напряженности в концерте европейских держав²⁰. С вильгельмовской Германией мы ассоциируем милитаристскую помпезность и бряцание саблями, противостояние с Англией, переросшее в гонку морских вооружений, и, как следствие, переход Франции и России в лагерь по сути враждебных Германии сил. Вильгельм II олицетворял хвастливость и шовинизм и в конечном счете сыграл решающую роль – ведущего, а также ведомого – на пути к великой катастрофе XX века: неописуемой массовой гибели людей в Первой мировой войне. Принимая во внимание это распределение сил, можно быть почти уверенным: при Фридрихе III при любом раскладе все сложилось бы иначе. И лучше.

¹⁹ Volker Ullrich: Das Ende der Friedrich – Legende. *Die Zeit*, 1. März 2012.

²⁰ «Европейский концерт» – принятое в историографии название системы международных отношений, сложившейся в Европе после Наполеоновских войн и окончательно распавшейся с началом Первой мировой войны. – *Прим. науч. ред.*

Англия и Испания объединились – почти... ложная беременность Марии Тюдор

Королева не была образцом жизнерадостности и хорошего настроения, но наблюдатели при дворе не могли не заметить некоторого смягчения ее суровости. Вскоре новость облетела Сент-Джеймский дворец, а затем и Лондон: *Her Majesty is with child!* ²¹Из столицы Англии дипломаты немедленно передали своим правительствам известие о беременности 38-летней королевы. Такое послание получил и император Карл V, правивший Священной Римской империей германской нации и Испанией, а также испанскими владениями в недавно открытом за западным горизонтом Новом Свете: «Королева явно беременна, потому что чувствует ребенка. Есть и другие типичные признаки, в том числе состояние ее груди»²². Адресат должен был радоваться этой новости, поскольку английская королева уже несколько месяцев, с **июля 1554 года**, была замужем за его сыном, принцем Филиппом.

И свадьба тем летом, и теперь известие о беременности королевы, которая была уже в возрасте, быстро разлетевшееся по всем дворам Европы, вызвали радость либо беспокойство, в зависимости от политического, точнее, религиозно-политического настроения. Во втором случае это нередко было буквально беспокойство за собственную жизнь. Потому что **королева Мария I** поставила перед собой цель вернуть Англию в лоно Католической церкви, не гнушаясь при этом жестокими мерами. Ее правление запомнилось как время пылавших костров. Таким ужасным способом она казнила еретиков, а для нее еретиками были фактически все протестанты. История впоследствии (если не при ее жизни) дала этой королеве прозвище Кровавая Мэри – суровый вердикт, который не смягчает даже существование одноименного коктейля.

Правление Тюдоров началось с кровопролития.

Давайте прервемся на мгновение и представим себе последствия, которые вырисовывались в прошлом и которые влияли бы на наш мир и по сей день, если бы история пошла так, как представляли жившие на рубеже 1554–1555 годов. Человек, который вскоре стал править самой могущественной империей в мире (император Карл V отрекся от престола в 1555 году, и таким образом муж Марии стал королем Испании Филиппом II²³), своим браком заключил союз с формирующейся морской державой Англией. Филипп и Мария были убежденными католиками и, учитывая религиозное рвение той эпохи, откровенно фанатичными. Отец Марии Генрих VIII освободил верующих Англии от гнета Рима и основал Англиканскую церковь во главе с самим собой (и своими преемниками). Мария хотела обратить этот процесс вспять и сделать Англию бастионом католицизма.

Как бы сложились дела у протестантизма, только что появившегося в континентальной Европе, с учетом этого расклада сил? Мартин Лютер умер чуть менее десяти лет назад, и новая вера с трудом смогла укрепиться даже там, где она в итоге пустила корни: в немецкоязычном центре континента, в находившихся под властью Испании Нидерландах (которые почти 80 лет вели войну за независимость против Филиппа и его преемников) и в Скандинавии. Единственным серьезным соперником союза Испании и Англии по династическим, нерелигиозным причинам была французская монархия дома Валуа, также католическая. Принимая во

²¹ Ее Величество беременна! (англ.) – Прим. пер.

²² Делеша от 23 ноября 1554 г. Цитируется по: Milo Keynes: The aching head and increasing blindness of Queen Mary I. *Journal of Medical Biography* 2000; 8: 102–109.

²³ Карл V постепенно отрекался от своих владений в пользу сына: в 1554 г. – от Сицилии, Неаполя и Милана, в 1555 г. – от Нидерландов, в 1556 г. – от Испании и ее территорий в Новом Свете. В том же 1556 г. он отказался от императорского титула в пользу брата Фердинанда I. – Прим. науч. ред.

внимание этот факт и распределение сил, нетрудно представить, что это привело бы к откату – к несомненно кровавой рекатолизации мечом испанских армий, огнем (костром) и пытками инквизиции. Европа национальных государств, которая сформировалась бы в этих условиях в XVI и XVII веках, кардинально отличалась бы от существовавшей на самом деле, лежащей в основе нашей реальной истории и современного мироустройства. Свободные идейные течения и, прежде всего, Просвещение, так называемая заря нашего настоящего в XVIII веке, вряд ли смогли бы процветать либо возникли бы с большой задержкой. Можно поспорить, но современная жизнь в Европе была бы менее либеральной и менее космополитичной. А какая сверхдержава сформировалась бы в этих условиях. Ресурсы и потенциал Нового Света, далекой Америки, который для Марии, Филиппа и их современников был действительно новым, вероятно, сыграли бы ведущую роль в этом гипотетическом изменении хода истории. Возможно, Estados Unidos²⁴ даже наблюдали бы за Европой, как своего рода страж Грааля, и замедляли или предотвращали реформы того порядка, который когда-то был установлен? Это совершенно другой мир, но его появление было возможно.

Нарушение функционирования человеческого тела, одного человеческого тела, патология вместо физиологии в то время заставили чаши весов судьбы качнуться в другую сторону.

Биография и, прежде всего, патабиография Марии Тюдор – один из самых ярких примеров, иллюстрирующих тему этой книги: как на исторические процессы влияют болезни. Это и коснулось широких слоев населения, и сбilo королеву – человека, принимающего важнейшие решения, – с намеченного, казалось бы, курса. И изменило судьбу целых народов.

Прежде чем мы обратимся к физическому облику Марии Тюдор, имеет смысл взглянуть на ее династию. Потому что Тюдоры вызывают интерес даже спустя пять веков; вряд ли какая-либо другая правящая династия могла бы привести к появлению такого количества публикаций, фильмов, пьес и других обращений к истории их жизни. В наше время они практически стали звездами благодаря телесериалу с Джонатаном Рис-Майерсом в роли Генриха VIII и Натали Дормер в роли Анны Болейн²⁵. В Англии пользуются особой популярностью у туристов достопримечательности, связанные с эпохой Тюдоров: от Хэмптон-Корта до Тауэра. Последний играл важную роль в истории на протяжении почти тысячи лет, но для многих посетителей служит прежде всего местом, где две жены Генриха VIII были вынуждены положить головы на плаху. Особенно большой выбор развлекательных мероприятий в Лондоне, где величественные актеры в нарядах времен Генриха VIII своим представлением заставляют туристов забыть о скучной ресторанной еде. Тюдоры правили всего 118 лет, и в их династии было только пять правителей, но Джеральд Мейер, написавший книгу об их эпохе, прав в своем заявлении, что из этого рода происходят самые известные король и королева в истории не только Англии, но и Европы, а возможно, и всего мира²⁶. Это была эпоха насилия и террора, восстаний и войн, когда не только жизни простых людей, но часто и жизни тех, кто находился у власти, не имели большой ценности. Фавориты и советники, которые сначала пользовались благосклонностью правителя или правительницы, а затем попали в немилость, с пугающей регулярностью оказывались в камере пыток, на эшафоте или на костре.

Кровопролитие также знаменует начало периода правления Тюдоров. Можно указать точную дату: кровь, пролившаяся на поле битвы при Босворте **22 августа 1485 года**, была кровью короля. В том сражении закончилась долгая эпоха Войны роз между враждующими домами Ланкастеров и Йорков, когда армия Генриха Тюдора, не состоявшего в прямом родстве с семьей Ланкастеров и вернувшегося из Франции после нескольких лет изгнания, раз-

²⁴ Соединенные Штаты (исп.). – Прим. пер.

²⁵ Речь об историческом телесериале «Тюдоры», транслировавшемся в 2007–2010 гг. – Прим. ред.

²⁶ G. J. Meyer: *The Tudors: The Complete Story of England's Most Notorious Dynasty*. New York 2010.

била армию короля Ричарда III. Еще на поле боя у оскверненного трупа Ричарда Генрих был провозглашен новым королем Англии: как **Генрих VII** он стал основателем династии Тюдоров. 24 года его правления были отмечены осторожностью, сохранение власти было главной политической целью нового правителя. Его брак с Елизаветой Йоркской, племянницей побежденного короля, рассматривался как знак примирения. Частью удержания власти, как во все времена и во всех системах, была правительственная пропаганда. То, что происходило до Генриха, следовало изображать в как можно более негативном свете.

Ричард III, последний английский король, погибший в военном конфликте, стал главным злодеем, которого из-за плохого характера пришлось заменить более сильными правителями – Генрихом Тюдором и его потомками. Через сто лет после этих событий Уильям Шекспир в своей исторической драме тоже изобразил Ричарда одной из самых мрачных личностей в истории. Во всяком случае, Ричард был сложным персонажем, но, как показывает конец его истории, несомненно, человеком значительной храбрости. В наши дни к нему проявили некоторую справедливость. Его останки, которые считались утерянными со времен Босворта, были найдены в 2012 году под парковкой в городе Лестер в результате поисков, начатых местными историками-любителями. При большой поддержке со стороны населения (на его гроб и автомобиль, перевозивший его кости, во время шествия бросали тысячи белых роз, символизирующих Дом Йорков) спустя 530 лет после его страшной кончины Ричарду предоставили достойное последнее пристанище в Лестерском соборе, а в городе открыли очень красивый музей, посвященный его жизни и вообще археологическим открытиям. Помимо результатов анализа ДНК, на то, что кости принадлежали Ричарду, указывали явные признаки сколиоза, искривления позвоночника, из-за которого в произведении Шекспира и в других источниках Ричарда III называют горбуном.

Болезни и внезапные смерти сопровождали Тюдоров с первого поколения.

Через год после Босворта и всего через девять месяцев после свадьбы Генриха VII с Елизаветой Йоркской, в сентябре 1486 года, у пары родился сын, которого окрестили Артуром, и как принц Уэльский он автоматически стал наследником престола. Английская дипломатия сделала удачный ход: при поисках будущей супруги еще в раннем возрасте – обычная практика, бытовавшая у европейской аристократии на протяжении веков, – удалось добиться согласия растущей мировой державы Испании. Четырнадцатилетнему Артуру была обещана в жены Екатерина Арагонская, младшая дочь испанской королевской четы. Церемония бракосочетания состоялась в ноябре 1501 года. Консумировали ли эти подростки (Екатерина была на несколько месяцев старше своего жениха) брак, стало весьма спорным политическим и церковным вопросом с учетом последовавших событий. Смелое замечание Артура после предполагаемой брачной ночи о том, что он был в центре Испании, скорее всего, следует истолковывать как хвастовство привилегированного юноши мужского пола.

У них было не так много времени: Артур внезапно скончался в апреле 1502 года. Среди причин смерти называют чуму, грипп и эпидемию, которая неоднократно свирепствовала в Англии и не была до конца объяснена, – «английскую потливую горячку». Совершенно неожиданно второй сын королевской четы стал наследником престола. Его звали так же, как его отца, и после смерти последнего в **1509 году** он взошел на престол как **Генрих VIII**. Поскольку союз с Испанией считался чрезвычайно важным, молодая вдова была без лишних церемоний передана Генриху VIII: Екатерина Арагонская стала первой из шести жен правителя. Библейский завет не желать жены брата был обойден с особого разрешения папы; неисполнение Артуром супружеского долга стало частью интересов государства. Двадцать лет спустя Генрих изменил свое прошлое решение: теперь он хотел, чтобы папа аннулировал его брак

с Екатериной. Когда тот отказался, он разорвал отношения с Римом и повел Англию и ее Церковь по отдельному пути: Англиканской церкви с королем или королевой во главе.

За первые девять лет брака у Генриха и Екатерины умерли или родились мертворожденными четыре сына.

Генрих хотел расторгнуть свой брак с Екатериной не только потому, что поддался чарам более молодой и сексуально привлекательной Анны Болейн, но прежде всего потому, что его брак не привел к результату, который был необходим по династическим причинам: к рождению наследника мужского пола, а точнее, выжившего наследника. Потому что проблема заключалась не в бесплодии. У пары была недоношенная дочь, а позже, 1 января 1511 года, Екатерина родила сына, который умер через три дня. Другой сын родился в 1513 году; он либо был мертворожденным, либо сразу умер. Третий сын последовал за ним в 1514 году, его, по крайней мере, успели окрестить, прежде чем он тоже скончался. **В январе 1516 года** родилась Мария, а в 1518 году – еще один мертворожденный принц. Трагическая судьба этих детей наглядно демонстрирует, насколько опасным на протяжении веков было начало жизни для младенца, а часто и для матери. Детская смертность была высокой как в крестьянских бараках, так и во дворцах знати. Должно было пройти много времени, вплоть до рубежа XIX–XX веков, когда основы гигиены стали известны и начали применяться на практике, а акушерство и неонатология дали недоношенным детям хорошие шансы на выживание. В предыдущие эпохи беременность всегда была противоречивым явлением – поводом для радостного ожидания, но также и дамковым мечом над головами матери и ребенка.

В случае с Генрихом VIII и его первой женой помимо общей опасности, которую в то время представлял процесс родов, был еще один фактор, способствовавший появлению недоношенных и мертворожденных детей. Сегодняшним патобиографам кажется вероятным, что Генрих заразился сифилисом до того, как женился на испанской принцессе. Передача венерического заболевания жене или женам правителя могла решить судьбу маленького принца. У Анны Болейн также были, по крайней мере, одни роды, когда ребенок родился недоношенным или мертвым²⁷.

Генрих VIII перенес оспу, малярию, сотрясение мозга и страдал от кожных язв.

Если этот предполагаемый диагноз верен, сифилис был лишь одной из многочисленных проблем со здоровьем, которые мучили короля и способствовали превращению обаятельного и статного молодого принца в чудовищного жестокого тирана. Вот только сомнительно, выглядел ли он когда-либо так же хорошо, как Джонатан Рис-Майерс, который играл его в телесериале «Тюдоры». В молодом возрасте Генрих VIII сильно отличался от толстого монарха с овальным лицом и коварными маленькими глазками, которого Ганс Гольбейн Младший запечатлел на полотне много лет спустя и таким образом сформировал образ короля для будущих поколений. Потому что в молодости Генрих был привлекателен и производил впечатление в первую очередь благодаря своему телосложению. Он мог днями напролет есть, пить и участвовать в турнирах, так что суеверным современникам казался дьяволом во плоти. Однажды на турнире он сменил десять загнанных лошадей. **В 1514 году** он заболел оспой, после которой у него остались обычные для этой болезни шрамы. Семь лет спустя он заболел малярией, эпидемии которой тогда случались в некоторых частях Англии. Характерные приступы лихорадки преследовали его всю жизнь.

Однако настоящей напастью Генриха были кожные язвы на ногах. Этот недуг стал результатом несчастного случая. **24 января 1536 года** во время турнира в Гринвичском дворце Генрих в полном возрасте упал с лошади, которая при падении также перекатилась через монарха.

²⁷ Allan C. Barnes: Diagnosis in Retrospect. Mary Tudor. *Obstetrics & Gynecology* 1953, 1: 585–590.

Он потерял сознание на два часа, вызвав опасение за свою жизнь. Помимо сотрясения мозга в результате этого инцидента он получил открытую рану на бедре, которая имела последствия на всю оставшуюся жизнь; она так и не зажила должным образом. Что еще хуже: вероятная хроническая инфекция распространилась на соседние ткани, и кожные язвы на ногах стали постоянными спутниками монарха²⁸.

1536 год стал для короля – выражаясь словами нынешней королевы²⁹ – *annus horribilis*³⁰. Травма головы в результате январского турнира могла иметь долгосрочные последствия. В 2016 году исследователи из Йельского университета сообщили в статье в медицинском журнале *Journal of Clinical Neuroscience*, что тяжелая травма головы могла привести к гормональному дефициту и, в долгосрочной перспективе, к гипогонадизму, то есть к снижению секреции половых гормонов яичками³¹. Для правителя, которому непременно нужен наследник, а тем более для человека, который гордился своей мужественностью, это было политически фатально. В Анне он разочаровался не только потому, что она не подарила ему сына. В сентябре 1533 года она родила дочь, и никто не мог предположить, что однажды та станет величайшей королевой Англии Елизаветой I. Но это еще не все: Анна, которой завистники придумывали нелестные прозвища, такие как «королевская шлюха», из-за ее сексуальной привлекательности, по-видимому, сделала уничижительные замечания о (снижающейся) мужественности своего супруга. Терпение Генриха лопнуло: отсутствие сына, проблемы с эрекцией и плохое настроение. 19 мая 1536 года во дворе Тауэра Анне пришлось подставить свою тонкую лебединую шею под меч палача³².

А Генрих вновь испытал радость от достигнутого успеха и смог насладиться своей мужественностью. 30 мая 1536 года, то есть через 11 дней после казни Анны, третьей женой Генриха стала Джейн Сеймур³³. Генрих положил на нее глаз, когда еще был женат на Анне Болейн. И вот Генрих добился того, к чему стремился: у него родился сын, которого окрестили именем Эдуард. Через 12 дней после родов Джейн, как и многие женщины той эпохи, умерла от родильной горячки в результате плохой перинатальной гигиены. Генрих был сильно расстроен и искренне оплакивал ее.

Третья жена принесла Генриху долгожданного сына, но умерла после родов.

Здоровье короля – как физическое, так и психическое – неуклонно ухудшалось. Он был уже неспособен к физическим нагрузкам, зато, обладая чрезмерным аппетитом, растолстел до гротескных размеров. Иногда он съедал до 13 блюд в день, запивая все это 10 пинтами пива. Поскольку мясо – баранина, говядина и разная птица, включая воробьев в паштете, – было очень популярно во времена Тюдоров, неудивительно, что Генрих заболел болезнью королей: подагрой. Говорят, что на финальном этапе своей жизни он весил около 200 килограммов. При этом он становился все более непредсказуемым и жестоким. Последние годы его правления воспринимались как время террора. Его личная жизнь также постепенно превращалась в катастрофу. Ожирение, различные физические недуги и эректильная дисфункция полностью

²⁸ Ronald D. Gerste: Heinrich VIII. Kraft und Brutalität. *Deutsches Ärzteblatt* 2008, 106: 1973.

²⁹ Имеется в виду королева Великобритании Елизавета II, которая назвала так 1992 год, ознаменовавшийся чередой скандалов с участием членов королевской семьи. – *Прим. науч. ред.*

³⁰ Несчастливый год (*лат.*). – *Прим. пер.*

³¹ M. Q. Ikram et al.: The head that wears the crown: Henry VIII and traumatic brain injury. *Journal of Clinical Neuroscience* 2016; 28: 16–19.

³² Формально Анну Болейн обвинили в супружеской неверности и государственной измене. – *Прим. науч. ред.*

³³ Знаменитая англо-американская актриса 1951 года рождения с таким же именем (известная среди прочего по фильму о Джеймсе Бонде «Живи и дай умереть» и телесериалу «Доктор Куинн, женщина-врач») Джейн Сеймур взяла себе сценический псевдоним, потому что она – справедливо, как окажется, – рассчитывала с его помощью добиться больших возможностей для карьерного роста, чем с ее настоящим именем: Джойс Пенелопа Вильгельмина Франкенберг.

лишили Генриха радостей супружеской жизни. В случае с женой номер четыре он, очевидно, прибегал к отмазкам. Восхитившись привлекательностью Анны Клевской на портрете, для создания которого художник Ганс Гольбейн специально отправился на Нижний Рейн, король был разочарован 25-летней женщиной, приехавшей к нему в первый день нового 1540 года. Он громко сетовал на «вялость ее плоти». Шесть месяцев спустя брак был расторгнут. Анна была достаточно умна, чтобы не комментировать вялость королевского скипетра; она пережила правителя, который давно превратился в тирана, на целое десятилетие. Однако ее преемнице, 17-летней Екатерине Говард, патобиография Генриха сулила катастрофу. Поскольку король не мог удовлетворить пятую жену, она завела любовника. В пропитанной интригами придворной атмосфере это недолго оставалось секретом. Ее любовника обезглавили; бывшему любовнику, который был у нее еще до того, как Генрих стал ее мужем, повезло еще меньше: его четвертовали. Сама Екатерина была казнена в феврале 1542 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.